
УДК 82.0(470. 345)

ББК 83.3 (2=Морд)

С 79

Степин С.Н.

Кандидат филологических наук, доцент кафедры литературы и методики обучения литературе Мордовского государственного педагогического института имени М.Е. Евсевьева, e-mail: stepin.73@mail.ru

**Тема человека и природы в современной лирике Мордовии
(на примере творчества Виктора Гадаева)
(Рецензирована)**

Публикация осуществляется при финансовой поддержке ФЦП «Научные и научно-педагогические кадры инновационной России» на 2009–2013 гг. № П381 по теме «Современный литературный процесс Мордовии в контексте новейшей русской литературы».

Аннотация:

Рассматривается тема человека и природы в современной лирике Мордовии. Обозначены основные закономерности развития данной темы в творчестве одного из представителей современного искусства поэтического слова Мордовии В. Гадаева. Доказано, что если в раннем творчестве гадаевский герой был лишь сторонним наблюдателем явлений, происходящих в мире природы, то с годами художник ставит его в центр всего природного мира. Человек, по мысли поэта, способен «творить свою природу», подвластную его воле и разуму. Таким образом, представлена авторская художественно-эстетическая концепция, связанная с решением поэтом вопроса о месте человека в мире природы и роли природы в жизни человека.

Ключевые слова:

Человек, природа, лирика, поэт-философ, лирический герой, художественная концепция, традиция, новаторство, поэтика, творческая манера.

Stepin S.N.

Candidate of Philology, Associate Professor of the Department of Literature and Technique of Teaching Literature, the Mordovsky State Pedagogical Institute named after M.E. Evseev, e-mail: stepin.73@mail.ru

**The person and the nature in the modern lyric poetry of Mordovia
(as shown by creativity of Victor Gadaev)**

The publication is carried out with financial support of the Federal Target Program “Scientific and pedagogical personnel of innovative Russia” for 2009-2013, No. П381, on a theme “The modern literary process of Mordovia in a context of new Russian literature”

Abstract:

The theme of the person and the nature in the modern lyric poetry of Mordovia is considered. The paper examines the basic laws of development of this theme in creativity of V. Gadaev, one of the modern poets of Mordovia. It is proved that in early creativity the hero of V. Gadaev's poetry is only the detached onlooker of the phenomena occurring in the kingdom of the nature. In the course of time the poet puts him in the center of the nature. The person, in the poet's opinion, is capable "to create the nature", dependent on his will and reason. Thus, the paper provides the art-esthetic concept related to the solution by the poet of a question on a place of the person in the kingdom of the nature and on a role of the nature in human life.

Keywords:

The person, the nature, lyric poetry, the poet-philosopher, the lyrical hero, the art concept, tradition, innovation, poetics, a creative manner.

Поэт Виктор Гадаев – один из современных художников слова Мордовии, посвятивших свое творчество углубленному анализу темы человека и природы в ее универсальном, всеобъемлющем представлении. Диалектику гадаевского постижения данной проблемы можно представить как отход от идей монизма человека и природы в сторону серьезных проблем, вызванных их все большей разобщенностью.

В творчестве В. Гадаева получили непосредственное развитие традиции классической литературы (А. Блока), не прошел поэт мимо натурфилософии Н. Заболоцкого, идей о переустройстве мира поэтов-земляков Б. Соколова, И. Калинкина, В. Юшкина. Примечательную черту лирики В. Гадаева отметил мордовский литературовед С. Г. Девяткин: «В стихах Виктора Гадаева есть за что зацепиться и глазу, и разуму, и воображению. Сухой проблемности поэт избегает. Все творческие удачи поэта связываются со стихами, в которых поэт обращается к осязаемому миру природы, проблемам ее непростых взаимоотношений с миром людей» [1: 267].

Обращение В. Гадаева к опыту классиков и современников было не случайным. Оно было обусловлено целым рядом причин. Одной из них было желание поэта найти ответ на волнующий его вопрос о месте человека в мире природы и роли

природы в жизни человека. Подобные вопросы всегда имели принципиальное значение для поэта, находились в центре его внимания, со временем приобретая все новые и новые формы осмысления.

Особенности его романтико-философского восприятия действительно во многом определили стилевую индивидуальность В. Гадаева, наложили отпечаток на его философию человека и природы. Если рассматривать романтизм В. Гадаева как стиль, которому, как известно, свойственны условность и символика, а также стремление показать лирического героя в ответственную для него минуту, то эти особенности, характерные для раннего периода творчества поэта, с течением времени гармонизируются, в гораздо большей степени соотносятся с жизненными реалиями. Таким образом, авторский стиль В. Гадаева, как и сама философия человека и природы, постепенно трансформируется, подвергается сложным изменениям.

Исходным положением философско-эстетической позиции В. Гадаева является мысль о том, что «человек часть мира и часть природы и поэтому, развиваясь сам, должен способствовать и их улучшению...» [2: 142]. Первая часть данного заявления не является новой ни в истории русской литературы, ни в литературе национальных регионов. Большого внимания заслуживает вторая. По мысли авто-

ра, человек-преобразователь и природы, и самого себя. Однако способы этого преобразования художником не конкретизируются и поэтому воспринимаются достаточно обтекаемо. Из этого вытекает, что подобное преобразование вполне может быть осуществимо посредством искусства, - науки, религии, других духовных сфер и областей, так как все они являют собой отражение разума человека.

Нечто подобное мы встречаем в лирике Н. Заболоцкого. Однако было бы неверным утверждение о том, что его творчество оказало прямое влияние на творчество мордовского поэта. Можно лишь констатировать, что В. Гадаев идет по тому же пути художественного постижения окружающей его действительности, создавая при этом свое собственное поэтическое искусство. Это подтверждают вопросы, выходящие за пределы искусства как такового:

*Малым быть – о малом думать,
Только мало в этом прока.
А кому нужны угрюмость,
Мысль вселенская Пророка? [3: 374].*
Или в другом стихотворении:
*Кто я? Что я? И зачем
На земле живу я?
Радуюсь, довольный всем,
Плачу, негодую [3: 44].*

Подобные вопросы ставят В. Гадаева перед необходимостью самостоятельного постижения жизненного смысла, что, собственно говоря, всегда было в центре внимания художников слова. Тот же Н. Заболоцкий, к примеру, на вопрос о сущности всего живого на земле отвечает мыслью о вечном круговороте жизни, о переходе всего сущего из одного состояния в другое и т. п. По В. Гадаеву, все живое состоит из мельчайших частиц, соединенных в каждом живом организме в единое гармоничное целое, разрушение этой целостности может нести лишь его гибель.

Во взглядах В. Гадаева на мир природы отразились многие явления современной науки. Множественные загадки

природы стали доступными современной поэту цивилизации. Поэтому вполне закономерно, что эти знания находятся в непосредственной связи с художественной концепцией В. Гадаева, его взглядами на мир людей и мир природы.

Творчество поэта подводит нас к вопросам, глубоко его волнующим: как преобразить современного представителя человеческого рода? Как ему пройти мимо бед и потерь? Что сделать для того, чтобы вернуть его в мир гармонии с самим собой, природой, обществом. Являющиеся актуальными для всей общероссийской литературы, они не могли быть не замеченными и художниками слова Мордовии. Для В. Гадаева, в частности, они представляются в нравственно-эстетическом плане.

К началу 1990-х годов границы творчества В. Гадаева значительно расширились. Произошли изменения в форме и содержании его стиха. Многочисленную галерею гадаевских героев заменил единый лирический герой. Его голосом поэт заговорил о самом сокровенном, глубоко его самого волнующем. Стих В. Гадаева эволюционировал, стал более динамичным и напряженным. Но самое главное, на наш взгляд, меняется концепция его натурфилософской поэзии. Поэта в меньшей степени волнует проблема поиска гармонии между человеком и природой, его интересует нечто иное, что способно в корне перестроить всю его художественную систему, дать ей новый вектор, новые перспективы. Поэт признается:

*Какая-то неведомая сила
Во мне росла, копилась до поры.
И с Барской неожиданно горы
Однажды даль иная мне открылась... [3: 173].*

Открывшаяся даль с четкими творческими ориентирами обозначила новый этап в освоении поэтом жизненно-временного пространства. При этом ряд смысловых ориентиров у В. Гадаева остался неизменным. К ним можно отнести принцип отождествления автором природного начала

со всем сущим на земле. Со временем это представление будет интерпретироваться, приобретать новые художественные формы. По мысли поэта, природа не способна различать добро и зло, ее не могут взволновать ни проблемы отдельно взятого человека, ни вопросы, связанные с судьбой всего человечества. Природа изначально вечна и самоценна:

Когда-нибудь не будет нас в помяне,

*Но у развилки трех лесных дорог
Аленушка на летней луговине
Опять сплетет ромашковый венок.
И так же будет полон лес цветами
И вечным звездным светом небо-*

*склон,
И не источат ливни древний ка-*

*мень:
На нашу жизнь, мудрее станет он* [3: 383].

Природа у В. Гадаева может быть капризной, хаотичной, тревожной, воплощенной в образах мрака и загадочности, как некий таинственный мир, чуждый всему светлому и живому. Подобная мысль отражена поэтом в стихотворении «Ночь в Ново-Троицке»:

Не по себе мне от безмолвной, тем-

ной жути,

От обезлюженных немых домов.

Хоть стой всю ночь до утренней

минуты –

Ни песен, ни веселых голосов [3: 460].

В изображении картины ночи В. Гадаев близок к традициям русской классики. Однако в отличие от классических канонов образ ночи у В. Гадаева не статичен, он способен изменяться, приобретать новые оттенки и значения. Гадаевская ночь является не чем иным, как обратной стороной образа светлого дня. Зачастую у В. Гадаева образ света создается своей архитектурной формой природы: «утро сияет жаром снегов», «сиреневый свет тумана».

С глубинным сияньем вздохнется:

– А все ж она, жизнь, хороша!

*И радостной птицей забьется,
Светло улыбнется душа* [3: 451].

Свет, таким образом, изображается автором и как начало зимнего дня, и как состояние души человека. Лирический герой В. Гадаева притягивает к себе все светлое, а это светлое, по мнению автора, и является сосредоточением красоты и разума человека. Если в раннем творчестве гадаевский герой был лишь сторонним наблюдателем явлений, происходящих в мире природы, то с годами художник ставит его в центр природного мира. Более того, благодаря силе мысли человек получил возможность «творить свою природу», подвластную его воле и разуму.

Не менее образно в стихах В. Гадаева представлена гармония музыки, которая противопоставляется автором своему природному оригиналу. Музыкальность лирики В. Гадаева есть не что иное, как связующее начало между человеком, природой, временем. Душа лирического героя преобразуется при звуках пения талантливой певицы (стихотворение «Поет Галина Макшева»). Музыка, мелодия, пение становятся у В. Гадаева частицами его поэтического космоса. Они одухотворяют лирического героя, рождают в нем порывы творчества. Музыка у В. Гадаева превращается в источник силы, способной всколыхнуть души людей:

Лемешев по радио поет,

Разливаясь трелью соловьиной.

И в душе моей солнцеворот,

Вся она наполнилась светлыню.

Закипает удаль. Мысль свежа.

Радостно несокрушима воля.

Вот что значит русская душа,

Вот что значит Лемешева голос

[3: 267].

Музыка, пение, звук воспринимаются в стихах В. Гадаева как утверждение высшей красоты, в задачи которой входит преобразование мира. И если в ранних стихах поэта музыкальное начало было свойственно лишь образам вселенского мира (песня взлетела до «звезд-

ных высот», в душе героя пела «огненная вьюга» и т. д.), то в более зрелом возрасте В. Гадаев приходит к изображению более обыденных, земных картин, стремится с новых художественных позиций постичь их сущностный мир.

Природа у В. Гадаева заинтересована в связи с человеком. Поэт приветствует такой союз, и оттого «трель весеннего жаворонка льется в душу». Как видим, В. Гадаев воспринимает мир в его музыкальном звучании вне временных и пространственных границ. Однако было бы неправильно рассматривать музыкальность стихов В. Гадаева как единственное, основополагающее начало. Автор изображает природу во всей ее полноте, показывает ее обратные стороны. Например, музыка, являющаяся для В. Гадаева образцом природной гармонии, и нередко противопоставляется поэтом душевной черствости человека, всем тем порокам, которые отождествляются художником с неискренностью человека в его отношениях с жизнью и природой. Как крик отчаяния, звучит четверостишие В. Гадаева:

Осмеянный и жалкий в страшный век

Один остался честный человек.

Сидит на камушке один и плачет:

Он в этом мире ничего не значит

[3: 453].

Свою задачу художника В. Гадаев видит в том, чтобы противостоять всему инертному, костному, всему тому, что мешает людям правильно воспринимать жизнь, природу, мир людей в их органической целостности. Лишь тогда, по мысли автора, человек сможет услышать мелодию своего сердца, уловить чистоту мелодии природы:

Я пришел писать стихи,

Травы, ветер слушать,

В людях высветлять грехи,

Врачевать их души [3: 59].

Выраженное музыкальное начало в лирике В. Гадаева делает ее созвучной с философско-эстетической концепцией

«человека» А. Блока. Однако блоковская традиция у В. Гадаева носит совершенно иной характер. И хотя проблема традиций и новаторства не является новой в литературоведении, в своей статье мы все же обратимся к ней, но уже на несколько ином уровне. Гадаевская концепция человека понимается нами как обращенная к его еще не наступившему будущему, но представленная поэтом как уже состоявшаяся в настоящем. Известно, что классик лишь в музыке видел эстетический стержень истинного поэтического шедевра, когда-либо созданного человеком. В статье «Душа писателя» (1909) А. Блок пишет: «Неустанное напряжение внутреннего слуха, прислушивание как бы к отдаленной музыке есть непереносимое условие писательского бытия» [4: 264].

В лирике В. Гадаева мы видим немало соответствий с философско-эстетической концепцией с А. Блока. Это выражается, прежде всего, в понимании тем и другим поэтом генезиса человека, того самого аспекта, без которого их концепции были бы мало убедительными при всей их кажущейся стройности. Принимая во внимание мысль А. Блока о человеке как о некоей сверхидеи, отраженной в творчестве, основа которой лишь начинает складываться в его сознании, В. Гадаев делает попытку идти дальше. В целом ряде стихотворений художник представляет нам путь преобразований человека, который должен лежать через радости и муки творчества. Представленные на страницах его книг образы художников, скульпторов, поэтов и музыкантов красноречиво это доказывают.

Отмечая факт близости блоковской философии и поэтики к художественному методу В. Гадаева, литературовед С. Г. Девяткин пишет: «Живописание цветонасыщенным словом, экспрессивной метафорой, нацеленной на создание зрительного эффекта» [1: 266]. Обнаруживается это сходство и на уровне эпитетов («белая трава»), «светоносная стихия», «тихие

деревья», «морозные столбы» и т. д.), и в желании передать ход времени жизни посредством слов и действий различных то-нальностей. У А. Блока читаем:

Миры летят. Года летят. Пустая
Вселенная *глядит в нас мраком глаз.*
А ты, душа, усталая, глухая,
О счастья твердишь, – который
раз? [4: 184].

у В. Гадаева:

*Три ветлы шумят над тихой Руд-
ней,*

Три ветлы, три старые ветлы.

Хорошо в тени их почему-то,

И воспоминания светлы [3: 216].

В процессе эволюции творчества мордовского поэта своеобразный спор с А. Блоком обнаруживался не единожды. И каждый раз В. Гадаев отстаивает величие человеческого разума и тему подвластной ему природы. В стихотворении «Пока во тьме витают тени...» поэт говорит, что человек в ответе за жизнь на земле, за судьбу всей цивилизации. Его разум волнует вопрос: одни ли мы во Вселенной? Понятна его тревога, заключенная в строках:

Мы в космос в поисках собратьев

Послали радиосигналы,

По нашим нынешним понятиям

Планет, как шар земной, немало.

Но что же нет от них известий?

А вдруг их шар в ночи глубокой

Давно блуждает меж созвездий

Пустой, сожженный, одинокий?

[3: 76].

Имея свое представление о человеке и природе, во многом отличное от мнений коллег по перу, он интерпретирует его как гармонию всего созданного умом и руками человека. Именно эта гармония способна нести благо. Вершина человеческого разума, результат его научной мысли – космический корабль – не только покоряет Вселенную, но и созвучен ему как результат разума человека (стихотворение «Покорители звезд»). При этом В. Гадаев не стремится безоглядно отрицать образцы, рож-

денные самой природой, которые могут быть достойней созданного художником-творцом. Нас не удивляет пейзажная зарисовка В. Гадаева, запечатлевшая небесную ширь, мерцающие звезды, природная картина, несущая в себе огромный эстетический заряд. Вечная природа выглядит намного выигрышней на фоне результатов «разумной» деятельности человека, картин вымирающих сел и деревень:

*Как мало тут людей в домах оста-
лось.*

*Как много там, на кладбище кре-
стов.*

*Тюльпан угасший красным вновь не
станет,*

*Что умерло – не возвратиться
вновь* [3: 102].

Принимая во внимание исторически сложившуюся сверхзначимость человеческого индивида, поэт не допускает мысли о возможности принесения в жертву пусть самой малой части природной красоты. Но проблема эта все же существует и давно известна человечеству. Причем, как вполне обоснованно полагает А. Р. Ашхамаф, «ее носителями являются человек и природа, природа и природа, человек и человек, а полем, на котором она возникает и разрешается, является объект природы» [5: 112]. Наиболее удачные стихотворения В. Гадаева последних лет так или иначе связаны с подобной идеей («Стою я над Москвой-рекой», «Аллея елок», «Ягодные красные поляны» и др.). В каждой «дымящейся капле росы», в каждом «шелесте игристых листьев» у В. Гадаева заключена несомненная ценность, соразмерная с огромным космическим миром:

Вечным морем, мерцанием звезд,

Мирозданьем живого дыхания...

[3: 277].

И «большая», и «малая» природа – неотъемлемая часть его поэтического космоса, который живет по своим нравственно-эстетическим канонам. Известно, что ни художественная, ни эсте-

тическая, ни философская, ни какая-либо другая концепция не может быть решена без обращения поэта к собственному жизненному опыту. Наша мысль созвучна с мнением М. Б. Храпченко, утверждавшего, что «духовно-эстетическое развитие художника слова – это самый сложный процесс, зачастую связанный с его творчеством, с решением важнейших проблем,

возникающих в его жизни и решаемых им на страницах своих произведений» [6: 214]. Однако, как нам кажется, подобный процесс имеет наибольшую эстетическую ценность лишь тогда, когда вырастает до значительного уровня идейного, философского, психологического обобщения. Именно так в лирике В. Гадаева и определяется концепция человека и природы.

Примечания:

1. Девяткин С.Г. Озарение // Современная мордовская литература (1960-1980-е годы). Саранск: Мордов. кн. изд-во, 1995. С. 266-272.
2. Гадаев В.А. В этот мир я пришел... Саранск: Мордов. кн. изд-во, 2001. 254 с.
3. Гадаев В.А. Мое мироздание. Саранск: Мордов. кн. изд-во, 2004. 512 с.
4. Блок А.А. Собр. соч.: в 8 т. Т. 3. М.: Худож. лит., 1980. 310 с.
5. Ашхамаф А.Р. Принципы и методы изучения экологического сознания // Вестник Адыгейского государственного университета. Сер. Регионоведение: философия, история, социология, юриспруденция, политология, культурология. 2011. № 2. С. 111-115.
6. Храпченко М.Б. Художественное творчество, деятельность, человек. М.: Наука, 1988. 366 с.

References

1. Devyatkin S.G. A Flash of Inspiration // Modern Mordovian literature (1960-1980). Saransk: Mordov. Publishing house, 1995. P. 266-272.
2. Gadaev V.A. I came to this world ... Saransk: Mordov. Publishing house, 2001. 254 pp.
3. Gadaev V.A. My universe. Saransk: Mordov. Publishing house, 2004. 512 pp.
4. Block A.A. Collected works: in 8 vol. V. 3. M.: Khudozh. Lit., 1980. 310 pp.
5. Ashkhamaf A.R. The principles and methods of ecological consciousness analysis // Bulletin of Adyghe State University. Series «Region Studies»: philosophy, history, sociology, jurisprudence, political science, culturology. 2011. № 2. P. 111-115.
6. Khrapchenko M.B. Artistic creativity, activity, a person. M.: Nauka, 1988. 366 pp.